

«ЧЕЛОВЕК СПОРТА» В ЖУРНАЛИСТСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Е. А. Войтик

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Поступила в редакцию 25 февраля 2016 г.

Аннотация: в статье поднимается проблема терминологической неопределенности в представлении «человека спорта» в медиатекстах XIX в. до введения понятия «спортсмен».

Ключевые слова: спорт, спортивная информация, периодические издания, спортивная деятельность в России XIX в.

Abstracts: the article raises the problem of terminological uncertainty «sportsperson» presentation in media texts of the XIX century. before the introduction of the concept of «sportsman».

Key-words: sport, sports information, periodicals, sports activities in Russia of the XIX century.

При зарождении любой термин, независимо относится он к какой-либо предметной области или нет, будет иметь неустойчивый характер. И только по истечении определенного времени (сам процесс может быть коротким или долгим) происходит или его принятие в языковую систему, или его отторжение. По своей сути термин одновременно может расширить (показать весь масштаб самой деятельности) или наоборот ограничить смысл понятия (отразить действие личности в конкретный момент, в определенной ситуации).

Согласно содержательно-структурным признакам термина, в нем проявляется пересечение предметной модальности (раскрытие некоего абстрактного субъекта, занимающегося спортом) и субъектно-смысловой сути (проявление действий конкретной спортивной личности).

В российской журналистике в 20-е–50-е гг. XIX в., когда понятие «спортсмен» только входило в лексикон, создание образов спортсменов в медиатекстах было связано с определенными трудностями, так как мало кто понимал, как описывать не только их самих, но и совершаемые ими действия. Поэтому чаще всего в рассказах о них применялись художественные методы отображения действительности, отчего сам образ в публикациях был представлен на грани документальности и вымысла. Это прослеживалось не только с категорией, но и с теми понятиями, которые предшествовали ей. До введения терминов использовались несколько вариантов представления человека, занимающегося спортивной («досуговой») деятельностью.

Первый вариант выражается через передачу информации об участнике спортивного зрелища в прессе в виде глагольной формы: «играл в шахма-

ты», «участвовал в скачках», «бегать на коньках», «пробежал дистанцию» и т. п., но вначале с упоминанием фамилии, ранга (статуса, звания) («капитан», «барон»); пола («мужчина», «девица»); приветственную форму («господин», «госпожа»). Это можно увидеть в следующих фрагментах: «Госпожа Баголини женщина высокая, стройная; движения ее ловки и приятны; кажется, что природа наделила ее и достаточную физическую силу и проворством. Если она уклоняется от ударов своего противника с большой ловкостью, то нередко и преследует его успешно» [1] (о проведенном ассе в Санкт-Петербурге фехтовальщицы г-жи Баголини) или «В понедельник, 3 июня, г. Робертсон благополучно совершил здесь в Санкт-Петербурге, девятое плавание свое по воздуху» [2] (о выступлении воздухоплателя г. Робертсона).

Второй вариант – это раскрытие образа «человека спорта» через увлечение определенным видом (предметом) спортивной деятельности: «воздухоплатель», «вольтижер», «жокей», «всадник», «ездок» (седок), «наездник», «берейтор», «кулачный боец», «стрелок», «боксер», «силач», «скороход», «пешеход», «фехтмейстер» и т. д. Эта тенденция хорошо прослеживается в различных журналистских сообщениях, опубликованных в 1820-х гг.: «В последний понедельник была скачка об заклад в 200 гиней между г. Эберардом и капитаном Смитом. <...> Расставив в надлежащих местах свидетелей, ездоки поскакали и вскоре разъехались в разные стороны; один переехал через Темзу по Каверсгамскому мосту, а другой по Соннерийскому» [3]. «Скороход Таундет в Англии выиграл значительный заклад. Пробежал в продолжение 10 дней сряду, по 64 английские мили ежедневно. – Замечательно, что искусство скороходов, давно уже почти забытое, начинает вновь нравиться лучшей

публике многих европейских городов» [4]. «Не знаем, какие причины имел наш искусный **фехтмейстер** Гризье вооружиться всею силою своего таланта и искусства. Нам казалось бы, что он, как кучивый француз, долженствовал уступить своей противнице» [5]. И в большинстве случаев такая классификация касалась описания отдельных зарубежных представителей спортивных увлечений. Российские любители журналистов интересовали в меньшей степени, вплоть до середины 1830-х – конца 1840-х гг.

Третий вариант – поиски отечественными журналистами в первой половине XIX в. обобщающего термина. По сравнению с взаимозаменяемостью «спорта» и «гимнастики», такого слова, прежде чем появился «спортсмен», не существовало. Обычно его заменяли несколько понятий, но особо из них выделялись: «охотник» и «любитель». Первое трактовалось так: человек увлекающийся чем-либо, а не занимающийся только охотой (в прямом значении этого термина). Это в журналистских текстах выражалось следующим образом: «охотник до стрельбы», «охотник до шахматной игры», «охотник до скачек», «охотник до игры в бильярд», «охотник до петушьего боя» и т. д. В качестве примеров употребления этого слова можно привести следующие фрагменты из журналистских публикаций: «Все, как Русские, так равно Тунгусы и Буряты, страстные **охотники до скачки**» [6]. «Признаемся, мы не любим этой игры. Но что есть **охотники до шашек**, в этом можно удостовериться в гостиных рядах» [7]. «В Лебедяни у **охотников** существует обыкновение давать приз для скачки лошадям некровным; приз этот составляет складчиною никогда не более 500–400 рублей, и почти каждый барышник имеет для такого приза нарочно-купленную и приготовленную лошадь; всегда скачут на него лошадей до десяти» [8]. «Главный недостаток Одессы – тот, что в ней нет ни какой потребности в обществе. Всякий живет здесь для себя и у себя. Торговые выгоды соединяют купцов – на бирже, мелочных скупщиков и промышленников – в кофейнях, **охотников до карт** – в клубах» [9]. В совокупности они демонстрируют все разнообразие использования этой категории в журналистике XIX в. Данная характеристика спортивных интересов могла быть отражена не только в медиатекстах, но и в названии изданий. В 1820-е г. вышли первые тематические журналы, в которых использовался этот прием: «Еженедельник для охотников до лошадей» (М., 1823); «Записки для охотников до лошадей» (М., 1826). Однако здесь она интерпретировалась в рамках увлечения лошадьми в широком смысле (включая понимание тонкостей различных пород лошадей; ухаживание, лечение, кормление; определение,

выбор и оценка лошади для участия в скачках, для хозяйственных и военных нужд).

Кроме того, термин «охотник» в прессе середины XIX в. применялся и для представления зрителей различных состязаний. В «Современных заметках» в журнале «Современник» за 1852 г. это было отражено следующим образом: «Русские вообще большие **охотники до лошадей**, хотя, разумеется, не столько, сколько англичане. Надо, впрочем, видеть, с каким участием следит московское купечество и дворянство за бегами по скованной льдом Москве-реке, и как Петербург увлекается троичными и одиночными бегами на Неве, перед Зимним Дворцом!» [10].

Еще один пример показывает широту термина «охотник» через короткую характеристику писателя Майн Рида (в тексте он Мейн Рейд) в критической заметке «Сцены в диких пустынях Терая и на Гималаях» в журнале «Вестник Императорского русского географического общества» (1858). Здесь говорится, что этот «англичанин страстный **охотник до всего, касающегося спорта**» [11].

Тем не менее категория «охотник» не совсем подходила для раскрытия человека, увлекающегося спортом, так как в русском языке она применялась ко всем, кто интересовался различными забавами и пристрастиями: «охотник до садоводства», «охотник до загадок», «охотник до чтения», «охотник до сытного стола», «охотник до театра», «охотник до приключений» и т. д.

Еще одно понятие – «любитель» было синонимом «охотника» (но во втором смысле этого слова, т. е. с позиции досугового фактора). Оно имело более «мягкую» форму использования в российском обществе середины XIX в., так называемую «салонную» или «клубную». Нередко эта форма применялась и в периодических изданиях, где она могла быть выражена разнообразно: во-первых, в качестве квалификации человека, увлеченного определенным видом спорта: «любитель шахматной игры», «любитель фехтования», «любитель играть в бильярд», «любитель кулачных боев», «любитель рысистых бегов», «любитель воздухоплавания», «любитель стрельбы» и т. д.

Во-вторых, «любители» – это зрители соревнований, наблюдавшие за ходом состязаний, но сами не принимавшие в них участие.

В-третьих, обобщающее понятие, которое объединяет спортсменов (непосредственных участников, игроков) и почитателей (зрителей) того или иного вида спорта. Например, в журнале «Современник» (1851 г.) была представлена следующая информация: «**Любителям шахматной игры**, или, лучше сказать, науки, известны необыкновенные подвиги на этом поприще нашего соотечественника А. Д. Петрова, которого слава далеко распространилась по Европе. Независимо от первостепенной силы его, как шахматного игрока, знатоки всех на-

ций давно уже оценили его высокие заслуги по части теории игры: а сочиненные им в разное время шахматные проблемы призваны труднейшими и остроумнейшими из всех, доселе изданных» [12]. Или в «Русском слове» (1859 г.): «*Носятся слухи, что между любителями водяных путешествий устраивается еще другой частный Яхт-клуб на малых судах, с подпиской по 10 руб. сер. в год, где будут преподавать основные правила управления парусами и всего того, что касается до научной части правильного управления мелкими судами, во время бури: учреждение подобных обществ очень благотельно и может предотвратить не мало несчастных случаев, повторяющихся почти каждое лето*» [13].

Популярность «охотника» и «любителя» выражалась и через включение их в название формировавшихся тогда спортивных обществ: «Общество любителей шахматной игры»; «Общество любителей стрельбы»; «Общество охотников конского бега для рысистых лошадей»; «Общество любителей бега на коньках» и др.

В XIX в. в журналистских публикациях использовались еще несколько понятий, применяемых в каждой ситуации отдельно: «атлет» (человек, обладающий большой физической силой, крепким телосложением), «участник» (человек, участвующий в соревнованиях); «игрок» (если речь шла о настольных играх) и т. д. В частности, «атлет» характеризовал участников кулачных боев и борцов во время народных праздников: «*После шествия, начались народные игры, нечто в роде патриархальных игр древней Греции. Силачи состязались, поднимая: тяжести, крепко-мышцы атлеты боролись между собою, легконогие горцы пускались в запуски*» [14]. Кроме того, эта дефиниция нередко применялась при характеристиках передовых представителей российского общества, увлекающихся гимнастикой в середине XIX в. Однако она чаще всего не выходила на первый план в тексте и употреблялась вскользь. В частности, в 1834 г. в одном из писем, прозаик А. А. Бестужев высказался о себе следующим образом: «*Я здоров и силен, без увеличений, как атлет, да и надо, правду сказать, иметь медвежьи ребра, чтоб идти с голыми кулаками на судьбу*» [15]. Хотя в этом примере, слово передано как сравнительное, но смысловая сущность была передана точно. Или, к примеру, в очерке П. Плетнева «Александр Сергеевич Пушкин» («Современник», 1838 г.), в котором поэт раскрывается не только как человек, занимающийся литературным творчеством, но и как приверженец физических упражнений: «*Он каждое утро отправлялся в какой-нибудь архив, выигрывая прогулку возвращением оттуда к позднему своему обеду. Даже летом, с дачи, он ходил пешком для продолжения своих занятий. Летнее купанье было в числе самых любимых*

его привычек, от чего не отставал он до глубокой осени, освежая тем физические силы, изнуряемые пристрастием к ходьбе. Он был самого крепкого сложения, и к этому много способствовала гимнастика, которою он забавлялся иногда с терпеливостью атлета, как бы долго и скоро ни шел он, дышал всегда свободно и ровно. Он дорого ценил счастливую организацию тела, и приходил в некоторое негодование, когда замечал в ком-нибудь явное невежество в анатомии» [16]. Однако категория «атлет» имела и иную смысловую суть: «человек, имеющий лидирующие позиции в различных областях науки и искусства». В журналистских публикациях 1830-х–1840-х гг. встречаются такие выражения, как «литературные атлеты», «атлеты поэзии», «атлет науки» и др.

Помимо того, в XIX в. в редких случаях в медиатекстах употреблялось еще два понятия, непосредственно связанных с раскрытием общих характеристик «спортсмена» – это «знаток» и «поклонник». Оба они рассматривались двояко: с одной стороны, это человек, владеющий энциклопедическими знаниями об определенном виде спорта и нередко выступающий в роли зрителя на состязаниях: «поклонник скачек», «поклонник бокса», «знаток бегового дела», «знаток верховой езды». «*Много собиралось настоящих охотников и бадю (неловко употребить соответствующее этому выражению, русское слово зевак – оно как-то еще не облагородилось), и много собралось зрителей – знатоков и судей, 3-го, 6-го и 8-го февраля на Москву – реку, смотреть на бег рысистых лошадей*» [17].

С другой – опытный участник, знающий досконально все правила того или иного вида спорта: «знаток охоты», «знаток шахматной игры», «знаток игры в шашки», «знаток игры в бильярд» и т. д.

Вместе с тем эти слова применялись и в других отраслях общественной деятельности, поэтому не совсем подходили для раскрытия специфических качеств «человека спорта».

Тем не менее данные термины постоянно использовались в журналистских текстах как до, так и после введения термина «спортсмен» в 1828 г., вплоть до конца 1880-х гг. При этом в журналистском произведении могли употребляться сразу несколько вариантов одновременно. Например, соединение трех понятий в одном фрагменте можно наблюдать в одной из публикаций газеты «Русский художественный листок» (1852): «*Г. Давлуи, имевший фехтовальную залу на Невском проспекте, известный знаток этого искусства, возмнил прекрасную мысль соединить фехтование со стрельбою в цель, в особенно для того устроенном здании, в центре города, у Александрийского театра. Его заведение существует теперь уже около трех месяцев, и постоянно посещается любителями фехтования и стрельбы. Заведение г. Давлуи не*

только доставляет удовольствие, но и пользу, ибо знакомство с огнестрельным оружием необходимо во многих случаях, особенно для неопытных **охотников**, которые тем избавляются от несчастных случаев, ежегодно и повсюду бывающих от неумения заряжать оружие, от неумения носить его и обращаться с ним, и наконец от недержания его в чистоте» [18]. В этом случае «знаток» передает характеристику владельца спортивного заведения, «любители» – людей, увлеченных фехтованием и стрельбой, а «охотник» имеет двойной смысл – человек, умеющий (в нашем случае «начинающий») пользоваться оружием и человек, увлеченный стрельбой только как развлечение.

Однако чаще всего применялся классический подход, основанный на передаче информации через одно понятие (в данном случае – «охотник», как коннозаводчик). Он хорошо прослеживается в различных публикациях в газете «Северная пчела». Например: «Ненастная погода в воскресенье, 20 января, воспрепятствовала нам быть свидетелями занимательного состязания между тройками двух известных **охотников** Н. Н. Анненского и П. Н. Дирина, на расстоянии 55-ти верст. Первый защищал достоинство наших степных лошадей, а второй стоял за славу английский скакунов» [19]. Необходимо отметить, что то же самое событие было описано и в «Русском художественном листке» (1852, № 6, от 20 февр.), однако хозяева скакунов просто были названы по фамилиям, без дополнительных эпитетов.

Можно отметить, что вводимые термины «охотник», «любитель», «знаток», «поклонник», «атлет», «игрок» и др. не смогли полностью отразить характерные черты «человека спорта», подчеркнуть его индивидуальность и в то же время раскрыть широту его деятельности. Все это смогла воплотить введенная в русский язык категория «спортсмен».

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Войтик Е. А., доцент кафедры телерадиожурналистики факультета журналистики
E-mail: voj@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. О фехтовальном асо госпожи Баголини // Северная пчела. – 1827. – № 73. – 18 июня.
2. Смесь // Северная пчела. – 1829. – № 68. – 6 июня.
3. Английские заклады // Сын Отечества. – 1821. – Ч. 71. – С. 127.
4. Смесь // Северная пчела. – 1825. – № 131. – 31 окт.
5. Смесь // Северная пчела. – 1827. – № 73. – 18 июня.
6. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири / М. М. Геденштром. – Санкт-Петербург, 1830. – С. 69.
7. Литературная летопись // Библиотека для чтения. – 1836. – Т. 17. – Ч. 2. – С. 50.
8. Мяснов П. О коннозаводстве и скачках / П. Мяснов // Отечественные записки. Раздел «Домоводство, Сельское хозяйство и промышленность». – 1840. – Т. 10. – С. 4.
9. Вести из Одессы // Москвитянин. – 1841. – Ч. II. – № 4. – С. 554.
10. Современные заметки // Современник. – 1852. – Т. XXXV. – С. 226.
11. Сцены в диких пустынях Терая и на Гималаях // Вестник Императорского русского географического общества. – 1858. – Т. 24. – Вып. 3. Раздел «Корреспонденция и смесь». – С. 53.
12. Шахматная новость // Современник. – 1851. – Т. XXVI. – С. 232–233.
13. Смесь // Русское слово. – 1859. – Т. VII. – С. 156.
14. Смесь // Библиотека для чтения. – 1844. – Т. 66. – С. 180.
15. Письма А. А. Бестужева // Русский вестник. – Т. 32. – 1861. – С. 463.
16. Плетнев П. Александр Сергеевич Пушкин / П. Плетнев // Современник. – 1838. – Т. 10. – С. 49.
17. Московская летопись // Москвитянин. – 1846. – Ч. 2. – № 3. – С. 272.
18. Петербургские развлечения // Русский художественный листок. – 1852. – № 6. – 20 февр.
19. Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. – 1852. – № 22. – 26 янв.

Tomsk State University
Voytik E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Television and Radio Journalism Department
E-mail: voj@yandex.ru